

Ю. Новиков

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Ш-я выставка, проведенная Товариществом экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ) в августе 1983 года (с 5 по 21) в ДК им. С.М. Кирова, преследовала несколько целей. Во-первых, дальнейшее ознакомление ленинградской публики с творчеством художников, не принадлежащих ни к Союзу Художников, ни к Худфонду СХ или иным аналогичным формализованным организациям и не имеющих, поэтому выходов к широкому зрителю. Во-вторых, Товарищество заинтересовано в выявлении широкого, демократически-низового пласта современной культуры. Масштабы этих творческих сил и по сей день остаются мало известными и обрисованы здесь, приблизительно на карте современного искусства. Задача уточнения географии интересующего нас явления, истоков и развития различных течений и замкнутых художественных регионов, — а также задача ознакомления обитателей этих регионов друг с другом, выяснение взаимосвязей и общностей всех, — вот вторая важнейшая установка, поставленная Товариществом перед каждой подобной выставкой, и в какой-то мере выполненная очередной августовской.

Несколько цифровых моментов... Впервые в истории выставок неофициальных художников, августовская была платной, и таким образом как бы вышла на новый д., надо думать, более престижный уровень. По количеству проданных билетов ее посетило более 4 тысяч, примерно полторы-две тысячи прошли бесплатно (особенно в дни открытия и закрытия), итого, порядка 6 тысяч посетителей за две недели. Это значительно меньше посещаемости двух предыдущих больших выставок (в октябре 1982 года здесь же, и в апреле 1983 года во Дворце молодежи). Причин этому несколько. Прежде всего, выставка проходила в межсезонье, когда постоянный или потенциальный зритель искусства неофициальных художников пребывает в отпусках или на каникулах. Кроме того, отсутствие информации, какой-либо толковой развернутой публикации, в то время как стереотипный текст афиши "Выставка ленинградских художников" никаким образом не раскрывает ее специфику. И, наконец, еще один момент — преобладающее

большинство имен участников выставки было незнакомо даже этому упомянутому выше "постоянному или потенциальному зрителю", который, как показывает опыт обсуждений и записей в книгах отзывов, знает и поименно перечисляет многих полюбившихся "неофициалов".

И тем не менее, следует считать прошедшую выставку вполне удачной. Товарищество считает, что оно выполнило те задачи, которые оно ставило перед собой, а количество зрителей все-таки превышало посещаемость выставок, которые одновременно действовали в обширных залах на ул. Герцена 38 (и за этот же срок насчитавшие всего лишь около тысячи посетителей — разница ощутимая, особенно если учесть уровень информации и престижность выставочных залов!) Показательно, что посещаемость выставки ТЭИИ резко возросла после обсуждения, когда информация о выставке распространялась участниками обсуждения. Несравнимы и характеры обсуждений в ЛОСХе и на выставках "неофициалов". В первом случае, лишь отдельные работы привлекают внимание, а среди участников — узкий круг знакомых художников. Все обсуждения выставок "неофициалов" проходят при заполненных до отказа залов, отведенных для обсуждений. Не составила исключения и данная выставка. И хотя на обсуждении были высказаны серьезные критические замечания (с достоинством воспринятые художниками), сама искренняя заинтересованность широкого зрителя, его явное неравнодушие как к творчеству участников выставки, так и к процессам, происходящим в котле "неофициального" искусства — все это дает поводы к высказыванию оптимистических прогнозов. Как в книгах отзывов, так и в высказываниях участников обсуждения отмечались новые фавориты публики: В. Сухорукова, Б. Тарантула, М. Каверзиной, В. Максимова, Е. Орлова, В. Овчинникова, И. Смирнова, А. Семенова, Е. Тыкоцкого, Р. Иванова, В. Шинкарева и др. Результаты выставки позволяют утверждать, что в активный оборот введен целый ряд интересных авторов, потоле известных лишь предельно узкому кругу ценителей их творчества.

Из сорока семи участников лишь немногие ранее были как-то знакомы зрителю. Можно назвать В. Афанасьева, Ю. Ков-

лова, И. Ясеницкого (кое-кому запомнившимся еще с выставки в "Невском" в 1975 году); гатчинских художников В. Максимова и В. Потеряева, участвовавших в областных выставках; в какой-то степени можно назвать относительно "обстрелянными" в небольших групповых выставках И. Тихомирову, Е. Зайцеву; еще какая-то часть готовилась к большой выставке лишь краткими показами на двух-трехдневных экспозициях, которые Товарищество проводило зимой-весной 1983 года в случайных залах различных ведомств, доступных лишь небольшому количеству зрителей, или же на квартирных выставках со "своей" узкой публикой, — явление, которое на фоне событий минувшего года кажется теперь анахронизмом, пережитком ушедшей в прошлое "квартирной эпохи".

... Естественно, что каждая из трех больших выставок, организованных Товариществом, имела свои оттенки. Рассматриваемая здесь, при всем разнообразии художественных индивидуальностей, тоже отталкивания, формальных языков и пр., в силу непредсказуемых сочетаний и обстоятельств, оказалась (на фоне предыдущих) более "литературоцентричной". Это проявилось бросающимися в глаза графическими, нередко иллюстративными сериями Владимира Ларина, С. Колесникова ("Маугли" Р. Киплинга), М. Позина (к новеллам Ф. Кафки), И. Смирнова (к "Преступлению и наказанию" Ф. М. Достоевского), Б. Тарантула (к "Мастеру и Маргарите" М. А. Булгакова), Афанасия Пуда (на темы Библии/, былин, греческих мифов, сказок). Можно смело сказать, что такого обилия иллюстративных — или близких к ним — графических циклов не было ни на одной из предыдущих выставок "неофициалов". Кроме того, литературоцентрический аспект выставки усиливается и многими работами живописцев, которые в той или иной степени тяготеют к "сюжету", к нарративной — средствами живописи — манере рассказа, очень нередко с более или менее выраженным элементами сюрреализма. Таковы работы В. Сухорукова, привлекшие внимание зрителей (и многочисленные положительные отзывы), И. Смирнова, в какой-то степени, работы Вячеслава Ларина, Ю. Лесника и В. Максимова (у последнего в значитель-

ной мере из-за настойчивого стремления навязать своим в целом-то "самостоятельно-живописным" работам символистские названия-темы). В определенной степени по своему тяготению к ярко выраженной сюжетности и к литературно-историческим реминисценциям тяготеют работы М. Иофина (посвященные старому Петербургу) и В.Бородина.

Не хотелось бы, чтобы понятие "литературоцентричный" было воспринято как определение уничтожительное. Важнее отметить стремление части художников вернуться к "сюжету", к тому повествовательному началу, которое на протяжении длительного времени ожесточенно изгонялось "неофициальными" из своих работ в связи со стремлением выйти в "чистую живопись", "чистую форму", "конструкцию" и т.д. Какие бы ни делать скидки на комбинационную случайность состава данной выставки, все-таки можно высказать предположение, что запрос художника (и еще в большей мере – зрителя) за последнее время изменился, почитаемая ранее в разных вариациях "очищенная" или "самоцельная форма" стала приедаться, и очарованию художественному сезону нужен не столько Сезанн, сколько С.Дали, может быть, Гофман или Булгakov, какая-то текучая грань, сочетающая реализм отдельных деталей с "магическим реализмом" общей композиции.

И тем не менее, несмотря на новые веяния, на выставке достаточно убедительно были представлены и иные художественные возможности, как бы подтверждая девиз нашего Товарищества: "В многообразии – единство!" Если предыдущие художественные группировки объединяли в своем большинстве более или менее единомышленников по задачам и формам творчества, то Товарищество экспериментального изобразительного искусства исходит из необходимости совместного, федеративного сосуществования различных формтворческих установок, также как и различных мировоззренческих, не противоречащих принципу гуманизма искусства. Поставленная задача невероятно трудна (и даже многими полагаемая абсолютно неразрешимой), но, думается, необходимость ее все более продиктовывается временем, проблемами, поставленными XX столе-

тием по отношению к экологии, биологической и социальной жизни, в том числе и к экологии культуры. И в этом, принципиально новом качестве, Товарищество также носит беспрецедентный и поистине экспериментальный характер.

Немногочисленные художественные объединения в прошлом, на первый взгляд также плюралистического характера, при внимательном рассмотрении оказывались лишь вынужденными содействиями, результатом ~~решения~~ распада первоначальной художественной монокультуры.

Для Товарищества экспериментального изобразительного искусства, с самого начала своего образования, принцип множественности является краеугольным камнем, необходимым структурообразующим моментом современной культуры.

Из многообразной политри выставки можно выделить различные стилевые направления. Показательно, что чисто беспредметных и абстрактных работ в этой выставочной "волне" было меньше, чем на предыдущей, где представителями указанных направлений были художники несколько более старшего возраста. В рассматриваемой же экспозиции следует выделить А.Вершикова, композиций которого тяготеют к живописному конструктивизму; В.Кондратьева, С.Лозина и К.Хазановича — к варианту абстракционизма; полотно С.Чернобая является собой вариант живописно-идеографического символа; в то же время работы В.Андреева существуют на уровне использования приемов абстракции для создания символических пейзажей. Где-то в близком ключе работает В.Афанасьев, не отказывающийся, впрочем, и от предметного фигуративного мира в иных работах. Особняком находятся концептуальные объекты Р.Миллера.

Заметное место на выставке занимают работы, в которых ощущается тяга к эстетике примитива. Здесь надо отметить, Н.Батищеву, Е.Зайцеву, В.Моисеенкова (в работе "Баня"). Там не менее, гораздо больше авторов, где примитивистские тенденции (как своеобразный живописный брутализм) соседствуют с иными: экспрессионистскими (в работах Л.Никитиной, В.Рожкова, А.Ковалева, в триптихе М.Позина), символистическими (в работах В.Петеряева и Е.Позина). Откровенно тя-

готеют к традиционному фольклорному искусству работы И. Тихомировой. В какой-то степени к примитивизму ("брютализму") можно было бы отнести и Вадима Овчинникова, но этому мешает ярко выраженная колористическая нюансовая разработка в полотнах этого художника. Необходимо подчеркнуть, что большинство здесь приводимых определений очень условны, поскольку стилевые типы (и это очень показательно для настоящего времени) трудно выделить в "химически чистом" виде, большинство художников работают на стыках — и это лишь раз подтверждает своевременность основной задачи Товарищества: создания атмосферы, в которой не было бы непрходимых барьеров между различными художественными "языками", атмосферы взаимного изучения и обмена различными творческими опытами, без художественного щзвинизма, и фанатического заглазного предпочтения одного метода всем другим.

Собственно живописные задачи, иногда переходящие в самоценность колорита и фактуры, ощущены в работах М. Каверзиной и Г. Гарвардта; заметна тонкая живописная нюансировка в работах В. Шинкарева, А. Бихтера, Р. Иванова, И. Ясеницкого, В. Угриновича, Н. Гавриленко, Н. Кириллова — художников "фигуративного" плана, использующих различные формо-творческие ключи и влияния и демонстрирующих в своих работах хорошее владение разными методами живописной традиции. Где-то рядом с ними и тем не менее, особняком, стоят А. Громов, А. Шварц и Р. Васми. Их небольшие экспрессивные городские пейзажи и натюрморты задерживают взгляд искушенного ценителя своей "обжитостью", лаконизмом и выразительностью форм. Сейчас, пожалуй, лишь немногие помнят, что названные авторы (а также В. Шагин, Р. Гулзенко и покойный А. Арефьев) в 50-х годах образовали одну из первых (если не первую в послевоенные годы) группу "неофициальных" художников, еще так себя не именовавших, но начавших активную самостоятельную творческую работу по освоению техников искусств и жизни, которых до них никто не касался...

Несколько особняком стоят полотна А. Семенова и политика Е. Орлова "Балаган". Если в портретах первого ощущима

— при всей графической ясности портретных композиций — ранняя предимпрессионистская напряженность, в чем-то отсылающая нас к образам прерафаэлитов, позднего И. В. Васнецова и раннего М. Нестерова, то второй автор тяготеет к полифоническим панно декоративного склада. Такого рода работы наглядно показывают, что художники ТЭШ могли бы успешно конкурировать с худфондом и ЛОСХ'ом в выполнении квалифицированных дизайнерских работ.

Также отдельно от других графических работ в экспозиции следует отметить офорты Е. Тыкацкого — чрезвычайно живописные по фактуре, по своим фактурным и композиционным приемам близкие графике Каплана и отчасти — В. В. Лебедева.

К сожалению, декоративно-прикладное искусство представлено лишь одним автором — Н. Ивановой с ткаными гобеленами. Можно также пожалеть, что камерная пластика Р. Иванова и Е. Зайцевой, несмотря на определенный интерес, не смогла, создать какой-либо объемный эквивалент тем скульптурным композициям, который был достаточно представлен на предыдущих выставках.

Несмотря на то, что организаторы выставки имели относительно слабое представление о составе предстоящей экспозиции, последняя, тем не менее, по мнению многих зрителей и художников, не снизила общий уровень, достигнутый Товариществом на двух больших выставках осени 82- весны 83 гг. И хотя выставка не избежала некоторой падроты (и не могла ее избежать, поскольку в первую очередь была ознакомительной), дала представление о тех новых творческих резервах, которые таятся в недрах нашего гигантского города, — идут своего извлечения из различных его уголков. Показательно, что в отзывах и на обсуждении зритель судил о работах этих художников без ссылки на их малый выставочный стаж, — говорил о том, что творчество их и индивидуально и зредо. Итак, эксперимент удался.

Одним словом, эксперимент — удался.